

Леонид Кудрявцев

Эмиссар уходящего сна

«Автор»

Кудрявцев Л. В.

Эмиссар уходящего сна / Л. В. Кудрявцев — «Автор»,

ISBN 5-17-028023-8

Сны. Миры, лежащие за гранью реальности. Миры, существующие, лишь пока их посещают люди. Иначе реальность сна истончается, тает – и сон становится «уходящим». Правитель одного из «уходящих снов» пытается спасти свой мир – но для этого ему необходим человек из реального мира, способный стать эмиссаром уходящего сна. Эту миссию готов взять на себя заблудившийся сновидец, который мечтает вернуться в реальность. Он еще не знает, что мир реальный – далеко не всегда мир земной...

ISBN 5-17-028023-8

© Кудрявцев Л. В.

© Автор

Содержание

1	5
2	12
3	18
4	25
5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Леонид Кудрявцев

Эмиссар уходящего сна

1

Сон за окном, несомненно, был уходящим.

Впрочем, в данный момент мне не было до этого никакого дела. И вообще я смотрел в окно лишь для того, чтобы убить время. Смотрел и ждал.

Вот скоро начнется... вот прямо сейчас...

– Безденежные клиенты в нашем заведении надолго не задерживаются.

Я взглянул на сказавшего это и крикнул.

М-да... началось...

Рядом со мной стоял вышибала. Кулаки его были крепко сжаты, плечи походили на бетонные монолиты, а на лице лежала печать неумолимости. Кстати, этой своей неумолимостью, он, похоже, весьма и весьма гордился, словно ее наличие возводило его в аристократический сан.

Ну-ну...

Из-за спины вышибалы выглядывала трусливая мор-Дочка хозяина едальни.

– Вот именно, не задерживаются, – пискнул он. – Мы их быстро препровождаем... в общем...

– Препровождаем, – прогудел вышибала, – куда нужно. После обстоятельного, задушевного разговора.

А если они, на свою беду, пытаются от него уклониться, то мы им... что-нибудь ломаем. Ногу или руку... Чем ты предпочитаешь пожертвовать? Я поморщился и сказал:

– С чего вы решили, будто у меня нет денег?

– А разве они у тебя есть? – поинтересовался хозяин едальни.

Иронии в его голосе запросто могло хватить какому-нибудь кандидату в президенты на отзывы о своих конкурентах в течение целого тура выборов.

Окинув его преисполненным отвращения взглядом, я сокрушенно покачал головой. Поскольку это действие было мной предварительно хорошо отрепетировано, ожидаемый эффект был достигнут. Хозяин побагровел и завопил:

– Ну ты, сын предсмертного видения старого, вонючего алкоголика. Да ты знаешь...

– А вот это уже оскорбление, – холодно сказал я.

– Да для таких, как ты, любителей дармовой еды, еще не придумано оскорблений!

– Неужели? – подначил я.

– Конечно! Впрочем, попытавшись на дармовщинку набить брюхо в нашем заведении, ты здорово просчитался.

– Ну и?..

Вышибала свирепо оскалился и спросил у хозяина едальни:

– Можно я для начала ему что-нибудь сломаю? Настоящих клиентов это явно развлечет.

– Пусть сначала расплатится, – послышалось в ответ. – Пусть сначала расплатится.

Я демонстративно зевнул.

Ничего нового, ну совершенно ничего нового. Все как обычно.

За соседним столиком сидела эффектная девица в синем платье с огромным вырезом. Судя по выражению лица, по тому, как она время от времени оглядывалась, она являлась посетителем. Причем никто ею всерьез заняться так и не попытался. Вот странно... Особенно если учесть, что в зале сейчас находились по крайней мере три обитателя мира снов, способных на

подобное. Столика через два от меня сидела вполне оперившаяся жут-карка, чуть дальше – старый, позеленевший от времени, но еще крепкий подзмор, а сгусток черноты возле стойки, не мог быть не кем иным, как только зловещим воздыхателем.

Гм...

Либо в этом сне очень четко работали стражи порядка, либо посетители были здесь настолько редкими гостями, что их просто боялись спугнуть. Первое грозило мне большими неприятностями, но можно было поставить сотню реальных против ничего не стоящего следа Усталого Бродяги, что причиной такого осторожного отношения к посетительнице являлось второе.

Сон-то уходящий. И откуда в уходящем сне хорошо работающие стражи порядка? У жителей таких снов для их содержания, как правило, нет Денег.

Нет, пока беспокоиться не стоит. Все пройдет как по маслу.

Я взглянул на двух идиотов, все еще стоявших возле моего столика, и подумал, что у них был шанс. К примеру. они могли попытаться набить мне физиономию сразу, не размениваясь на разговоры... Да нет, у них ничего не получилось бы и в этом случае. Жидковаты, слишком жидковаты.

– Так как? – спросил вышибала. – Начинать? Чего тратить зря время? Он нас, видите ли, не видит и не слышит. Издевается, мерзавец!

– погоди, – гнул свое хозяин. – Сначала он должен либо заплатить за еду, либо признаться, что у него нет денег.

– И если у меня денег нет, вы начнете меня избивать, отрывать мне конечности и выбрасывать к чертовой бабушке из вашего прекрасного, сверхпосещаемого сна? – поинтересовался я.

Такого вопроса хозяин едальни явно не ожидал и поэтому не очень уверенно ответил:

– Гм... ну да.

– Значит, так, – подбил итог я. – Угроза физической расправы, вымогательство, оскорбления, моральный ущерб, ущерб чести мундира. Мне кажется, это уже нечто весомое. По крайней мере на стоимость половины твоего жалкого заведения тянет. Гм?

– В каком смысле?

Я удовлетворенно хмыкнул. Все идет как по нотам. Пора наносить удар. Вот сейчас...

– В самом прямом. Компенсация за вымогательство, оскорбления и моральный ущерб не так велика. Я в жизни слышал оскорбления и почище тех, которыми вы меня осыпали... Но остается еще и затронутая честь мундира. А вот с этим будет сложнее. Она стоит дорого, весьма дорого.

Вышибала сделал шаг и опустил на мое плечо руку. Надо сказать, весьма тяжелую.

– Может, все-таки настало время этого клоуна отсюда вынести?

Я вздохнул и, вынув из кармана, положил на стол перед собой золотую монету, из реального мира.

Вот и все. Нужный эффект достигнут.

Хозяин едальни и вышибала пялились на меня так, словно бы я только что превратился не в платежеспособного клиента, а в огнедышащего дракона.

– Гм... – нерешительно сказал вышибала. Хозяин быстро протянул руку, сграбастал монету и внимательно ее со всех сторон осмотрел. Я не повел и ухом. Пусть убедится, пусть удостоверится. Все без обмана.

– Настоящая золотая монета из реального мира, – наконец признал хозяин едальни. – За нее в торговом сне дадут не менее пары сотен реальных.

Вышибала крикнул, убрал руку с моего плеча и отошел в сторону. На лице у него было написано горькое разочарование. Примерно такое же я однажды наблюдал у ребенка, которого лишили любимой игрушки.

– Ну? – спросил я.

Хозяин едальни широко улыбнулся.

– Я приношу вам самые глубочайшие извинения. И просто замечательно, что наше небольшое недоразумение благополучно разрешилось. Если у вас есть еще какие-то пожелания, то после того как я разменяю эту бесценную монету...

Я покачал головой.

Ну уж нет, разменять эту монету можно только после моей смерти. Монету-указатель не разменивают. Хозяину едальни я сказал:

– Прежде чем это произойдет, мне хотелось бы поподробнее обрисовать положение, в котором вы оказались. И для начала, думаю, стоит вернуть монету на стол.

– Зачем это? – ошетинился он.

– Просто положите монету на стол, – твердо сказал я. – Потом, после того как я все объясню, если пожелаете, можете ее беспрепятственно забрать. И разменять. А пока пусть она полежит так, чтобы ее все видели. Положите на стол. Ну?

– И если я пожелаю...

– Да, как только вы пожелаете. Но не раньше, чем я кое-что вам объясню.

Вот тут надо было зловеще улыбнуться, и я это сделал. Что ни говори, но зловещая улыбка у меня отработана просто идеально. Она своего рода произведение искусства. Как всякая вещь, на создание которой потрачено слишком много времени.

Итак, я продемонстрировал свою коронную улыбку, а потом, благодаря тому, что находился в мире снов, отколол фокус, возможный только здесь. Сунул руку во внутренний карман куртки, покопался в завалах хранившихся там вещей и, наконец, вынул из него длинную шпагу, с простой гардой и удобной рукояткой. Шпагу не пустого щеголя или придворного шаркуна, а того, кто умеет ее пускать в ход и кому не раз случалось это делать. Она действовала еще эффективнее улыбки.

Золотой кружок вновь очутился на черной, почти потерявшей от времени фактуру дерева, поверхности стола.

– Я слушаю.

Вот теперь владелец едальни, похоже, испугался по-настоящему. Если на него еще надавить, он испугается сильнее. А там недалеко и до состояния, при котором из него можно будет вить веревки.

Вот только не будет этого. Не занимаюсь я рэкетом. Не люблю... Да, конечно, усилий это требует меньше и денег приносит больше, но в конечном счете становится привычкой. А привычка решать свои проблемы, ломая окружающих людей, неизбежно превращает в садиста, в монстра. И я, конечно, не ангел, мне не раз приходилось совершать не очень благовидные поступки, но, думаю, становиться монстром мне пока рановато. Особенно ради такой ничтожной суммы.

– Так что вы хотели мне сказать? – спросил владелец едальни.

Я молчал. Я держал паузу, ждал, когда мой собеседник оторвет взгляд от заветного желтого кружочка. Наконец это случилось.

– Каковы ваши требования? Пора.

Я промолвил:

– Прежде всего я желаю установить тот факт, что я отношусь к клиентам, способным заплатить за свой ужин. Наличие монеты это доказывает. Не так ли?

– Так, – смиренно подтвердил мой собеседник. – И я охотно принесу любые извинения за свое недостойное по отношению к вам поведение. Это была ошибка, недоразумение, если хотите, не более. Любые возможные извинения.

Я взглянул в сторону посетительницы. Судя по всему, она наконец-то сообразила, где оказалась, и вознамерилась перекусить. Причем вместо того чтобы, как положено, подозвать

служанку и сделать заказ, решила обойтись своими силами. Сидевшие поблизости от ее столика клиенты пытались угадать, что именно у нее получится. Некоторые, кажется, даже заключали пари.

Ох, знай они чем все это закончится...

– Любые извинения? – спросил я.

– Какие угодно. Правда, мои ресурсы невелики... но что смогу. Вот, не желаете ли вина за счет заведения?

Мне совсем недавно доставили бочонок «крови василиска» из сна одного дегустатора. Вкус изумительный. Практически реальный.

– Вину придет свое время, – сказал я. – Давайте для начала вернемся к запятнанной чести. Не желаете ли устроить небольшой поединок?

– Небольшой... что?

– Поединок. По правилам. В роли секундантов мы возьмем парочку клиентов. Думаю, такие найдутся. Вам будет разрешено пользоваться любым оружием...

Говорил я это лишь для того, чтобы потянуть время. На самом деле ни о какой дуэли не могло быть и речи. Драться на шпагах с хозяином едальни? Много чести. Самое большее, на что он может рассчитывать, это получить по физиономии эфесом шпаги.

Я еще раз взглянул на посетительницу. А та как раз в этот момент взмахнула руками, словно пытаясь вынуть из воздуха какой-то предмет.

И вынула...

Это была большая серебряная тарелка, с огромным, хорошо прожаренным куском мяса. Поставив тарелку на стол, визитерша сотворила нож и вилку. Вид у нее при этом, как у всякого дилетанта, был весьма сосредоточенный и слегка торжественный.

Пытаясь определить, что это я так внимательно разглядываю, хозяин едальни обернулся и, заметив, чем занимается визитерша, взвыл, как парходная сирена.

Поздно...

Девушка воткнула вилку в мясо, полоснула по нему ножом...

В то же мгновение из разреза взметнулась бесцветная струя нейтральной субстанции и, ударив в потолок, стала превращаться в кадавра. Огромного, усеянного шипами, страшного. Кадавр, как и положено, мерзко шипел.

В вопле хозяина едальни слышалось неподдельное отчаяние:

– Караул! На помощь! Держите его, хватайте! Не допустите!

На мгновение этот вопль перекрыл визг посетительницы, бегущей со всех ног прочь от своего столика. Ну а что ей еще оставалось делать? Только убегать. Мавр сделал свое дело...

Кстати, убегала не только она. Сидевшие близко от ее стола тоже пустились наутек. А вот находившиеся подальше такой прыти не проявили. Правда, они отступали к двери и окнам, но медленно, словно бы неохотно. Похоже, чувствуя себя в относительной безопасности, они хотели хотя бы одним глазком взглянуть на то, как будут разворачиваться дальнейшие события.

А посмотреть было на что.

Вышибала оказался не трусом и о своем долге не забыл. Вытащив из кармана короткую, толстую дубинку, он двинулся к кадавру. Шел он не очень быстро, поскольку страшилище вид имело опасный, но все-таки шел.

Я взял со стола золотую монету и положил в карман. В подобной сутолоке она могла запросто исчезнуть. А потерять монету-указатель я не желал. Да и вообще, это была моя единственная монета, все моя наличность.

Хозяин едальни не обратил на мои действия ни малейшего внимания. Его сейчас беспокоил только кадавр. При желании зверюга могла разрушить его заведение до самой нижней стенки сна и не поморщиться. Причем, судя по издаваемым им звукам, желания у него этого было в достатке.

Пытаясь спасти свое имущество, хозяин едальни отдал вышибале совершенно невыполнимый приказ:

– Хватай эту тварь и выкидывай на улицу. За что деньги получаешь? Я хмыкнул.

Ну-ну, любопытно посмотреть, что из этого получится. Кстати говоря, в вышибалы идут люди, особой остротой ума не отличающиеся. Но этот представлял собой нечто особенное. Беспечно повернувшись к кадавру спиной, он вопросительно взглянул на своего работодателя и пожал плечами, давая ему знать, что не совсем понимает, как его приказание может быть выполнено.

Зверюга не дремала. Из ее тела вылетело толстое, толщиной в ногу атлета щупальце и нанесло вышибале просто сокрушительный удар ниже спины. Словно мяч, получивший хороший удар битой, сшибая по пути стулья и столы, тот пронесся через зал и, с грохотом ударившись о стену едальни, без сознания рухнул на пол. Я поморщился.

Звук соприкосновения тела со стеной был совсем невыразительный и очень глухой. Впрочем, что можно требовать от уходящего сна?

Кадавр оглушительно взревел. Рев его мог бы служить образом настоящего, стопроцентного, патентованного рева, действительно выражающего дикую ярость и безмерный голод. Наиболее смелые посетители, собиравшиеся досмотреть представление до конца, признали эту мысль глупой и устроили в дверях нешуточную давку.

Хозяин едальни попятился. Ради спасения своего заведения он был готов понести значительные траты, но вовсе не собирался добавлять к ним еще и свою жизнь. Вот если бы чужую...

Кадавр вновь издал свой патентованный рев и, вырастив еще одно щупальце, с утолщением на конце в виде шара, разнес им большой дубовый стол.

Любитель чинить расправу над безденежными клиентами сделал еще шаг назад и оперся спиной о стену. Вид у него был затравленный.

Я подумал, что наступило самое время действовать, и, вооружившись шпагой, подошел к нему.

– Избавить вас от этой зверюги?

– Что?

Лицо у хозяина едальни было бледное, словно фата новобрачной, а сказанные мной слова он, похоже, так и не воспринял, не понял их смысл.

– Я могу убрать зверюгу, – повторил я. – За плату. Сколько я за это получу?

– Сколько угодно. Все мои деньги. Еще немного и она разнесет заведение... надо было эту посетительницу проконтролировать, но кто мог представить, что она попытается создать пищу в едальне? Ведь у нее не было официального сопровождения, а это означает...

— На эти штучки меня не возьмешь, – жестко говорю я. – Никаких «забирай все подчистую». Подобные обещания означают пустоту. Назови конкретную сумму. Сколько?

Вот это, кажется, привело хозяина в норму. Вздвогнув, он быстро сказал;

– Сколько? Хм... десять реальных.

– Мало, – покачал я головой. – Сто реальных будет в самый раз.

– Сто реальных медных монет?

– Да, причем без проволочек, сразу же после того, как я уберу отсюда монстра.

– Да это же цена половины моего заведения!

Ну, тут он хватил. Хотя, конечно, цена немалая.

– Половину? – сказал я. – А зверюга эта способна уничтожить все твое заведение. Что ты после этого будешь делать?

Кадавр еще раз взревел. Хозяину едальни почти наверняка в его реве почудилась безумная жажда разрушения. Правильно, кстати говоря, почудилась.

– Тридцать, – просипел он. – Больше нет.

Это было наглое вранье. Несомненно, у него где-то была заначка, и не маленькая. Но когда это я отбирал последнее? Тем более что тридцать реальных хватит мне надолго. А там, глядишь, подвернется еще что-нибудь.

– По рукам, – сказал я. – Значит, тридцать и плату за сегодняшний ужин?

Кадавр разнес в щепу еще один стол.

– Тридцать, тридцать и плата за ужин! – завопил хозяин едальни. – Сделай же хоть что-нибудь! Ну! Останови его! Я заплачу сразу же, после того как ты уберешь из моего дома этот ужас.

Ну вот и договорились. А теперь настало время отрабатывать плату.

Я шел к кадавру и думал о том, что по сравнению с каким-нибудь созданием из кошмарных снов он не такой уж серьезный противник. Вот только за истребление всех этих ужас-выползков, зубоказов и разной величины углотателей никто никогда не заплатит и монеты. Никому они не нужны, никому не мешают.

А вот уничтожение именно этой твари принесет тридцать реальных. Чем не заработок? Будь возможность проделывать такие штуки постоянно, я бы мог даже осесть на одном месте, купить себе свежий, с иголочки, сон. Или по-другому? Кто мне тогда помешает накопить на настоящую птицу-лоцмана? А уж с ней и с помощью монеты-указателя я мог бы попытаться найти свой мир, свой реальный мир. Тот самый, из которого я родом. При том...

Ладно, хватит мечтать. Пора делать дело. Я подскочил к кадавру и кольнул его в мягкую, незащищенную нижнюю часть тела, прямо в одно из трех, украшавших его бесформенных, черных пятен. Из прокола сейчас же крупными каплями закапала желтая, маслянистого вида жидкость. Не долетев до пола, она прямо на лету испарялась. Вот так!

Еще два укола, и тварь, лишившись силы, уберется в нейтральное пространство. Еще два... Все оказалось не так-то просто! Уходить кадавр не желал. А с чего бы? Зачем ему скука знакомого до последних уголков нейтрального пространства, если здесь можно так славно повеселиться, круша столы и пугая завсегдатаев заведения?

От первого щупальца я увернулся легко, поскольку ждал, что монстр попытается меня схватить. Я увернулся и от второго, поскольку был готов и к его появлению. А вот третье...

Меня спасло буквально чудо. Третье щупальца у такого кадавра – все равно что третья рука у человека или пятая нога у коровы. Оно высунулось и попыталось меня схватить, а я едва успел отпрыгнуть в сторону. И тут же увернулся от двух других щупалец, поскольку они тоже пытались меня схватить. И еще раз, и еще... Потом мне под ноги попался обломок стола и я о него запнулся. Наверное, это меня спасло, поскольку, падая, я успел увидеть, как на расстоянии пальца от моего лица пронесся скользкий, усеянный короткими загнутыми шипами кончик щупальца. И не попадись мне под ноги обломок стола...

Надо было срочно менять тактику. Еще немного, и тварь меня загонит в угол.

Нападение! Я должен перейти в атаку, иначе со мной будет покончено. Пусть даже при этом придется и рискнуть.

Перейти в атаку!

Едва коснувшись пола, я перекатился в сторону, а потом метнулся к врагу и нанес второй укол, точно во второе пятно. И тут же каким-то чудом увернулся от ожесточенно рубивших воздух щупалец.

Увернулся, все-таки увернулся, и еще раз увернулся... Прах заberi, этот летающий слизняк снова загоняет меня в угол! Надо что-то... как же, предпримешь тут!

Видимо, прекрасно понимая, что сладкое время заканчивается, противник взялся за меня по-настоящему. В конце концов, для того чтобы меня прикончить, было достаточно тоже всего лишь раз подловить меня на ошибке. И вот тогда песенка окажется спета. Но если я успею...

Я попытался сделать третий укол и промахнулся. Совсем немного, но в этой игре засчитывалось только точное попадание в цель. Любые другие не имели значения.

Уходя в очередной раз от удара щупальцем и прикидывая, как же все-таки исхитриться и нанести третий удар, я каким-то чудом успел заметить появившуюся на поле боя чью-то фигуру.

Святой Гипнос, кто это может быть?

Вышибала! Нуда, он самый. Очевидно, он пришел в себя и не нашел ничего умнее, как снова кинуться на противника.

Безумству храбрых...

Я успел и поймал тот самый, единственный шанс. Все-таки успел.

Для того чтобы отправить вышибалу в нокаут, хватило удара одного из щупалец, но в это мгновение в карусели пытающихся меня схватить конечностей, образовался просвет, и я им воспользовался. Кончик шпаги попал точно в третье пятно, но результат этого я увидел, лишь отскочив в сторону, сделав пару шагов назад и выпрямившись.

Он был, этот результат. Монстр исчезал, сдувался, словно проколотый воздушный шарик. И конечно, при этом он бестолково размахивал щупальцами, а уж верещал...

Вот толку-то? Дело сделано, закончено. И раз так, то не пора ли получить причитающиеся мне деньги?

И конечно, владелец едальни попытается забыть свои обещания, но кто мешает мне освежить его память, напомнив об отложенном поединке и поставив своего должника перед нехитрым выбором: немедленно выполнить обязательства или драка на дуэли? Именно для этого я и ломал комедию перед появлением кадавра. Не зря... Думаю, сейчас это пригодится.

Я прислонился к стене едальни и вытер со лба пот.

До меня вдруг дошло, что буквально несколько мгновений назад я запросто мог погибнуть. Уйти в пустоту, самым банальным образом, посреди занюханной едальни, пытаюсь заработать немного денег на жизнь, так и не найдя дорогу в свой родной мир.

Хм... возможность погибнуть... Такая ли это для меня непривычная ситуация? И конечно, именно сейчас можно всласть пофилософствовать о том, что рисковать жизнью ради такой маленькой суммы денег не стоило. И наверное...

Впрочем, сейчас для философии не место и не время. Сейчас мне нужно получить плату. И конечно, сделать это будет не так-то и легко, но она от меня не уйдет.

В общем, последний этап операции. Получение наличности.

Я отыскал глазами владельца едальни и ласково ему улыбнулся.

2

– Я еле сладил с этой тварью.

– Зато, дорогой мой Фернис, вечный гость страны снов, ни у кого не возникло подозрения, что дело нечисто. Да и тебе спокойнее, не будет мучить совесть. Эти деньги действительно заработаны.

Я хмыкнул.

Заработаны? Возможно. В конечном итоге я действительно рисковал жизнью. Стоило кадавру меня схватить, а потом пустить в ход клыки...

Бр-р-р...

Словно прочитав мои мысли, Сердена тихо засмеялась. В этот момент она совсем не походила на ту неумелую посетительницу, которой притворялась в едальне.

Я осторожно спросил:

– Как это у тебя получается?

– Что именно? – небрежно поинтересовалась она.

– Я знаю, что здесь, в мире снов, посетителям очень трудно обманывать, трудно играть, притворяться кем-то иным. У тебя это получается великолепно. Почему?

– Ах вот ты о чем?

– Почему бы и нет?

– Запомни, Фернис, – улыбнулась Сердена. – Это моя большая тайна, и я ее никому не открою.

– Даже мне?

– Вот именно. В твоих же, кстати, интересах. Ты понимаешь, что все эти серьезные, большие тайны так ревностно оберегаются, лишь поскольку от них просто здорово пахнет? В значительной степени кровью, но и не только ей. Понимаешь?

– А ты, значит, меня, мою излишне чувствительную душу от них бережешь? – спросил я.

– Угадал, – с совершенно серьезной миной заявила она. – Так оно и есть.

– И значит...

– Ничего это не значит, – сообщила Сердена. – Совершенно ничего. И вообще... я тебе помогла?

– Конечно.

– Этих денег тебе хватит надолго?

– Ну-у-у... Хозяин едальни оказался страшным скрягой. Он заплатил на пять реальтов меньше, под предлогом того, что его вышибала помог мне в самый ответственный момент...

– Я спрашиваю: надолго ли тебе хватит заработанных с моей помощью денег?

Ну, тут уж никуда не денешься. Сердене надо отвечать правду.

– Хватит, – признался я. – Закончатся эти, придумаю что-нибудь еще.

– В таком случае мне пора. Окажешься опять в очень тяжелом положении, зови, помогу... Между прочим, в отличие от тебя я здесь всего лишь гость. И мне, прежде чем я вернусь в реальный мир, хотелось бы оглядеться. Вдруг обнаружится что-то интересное?

«Вернуться в реальный мир...» Как просто это сказано. Я бы тоже хотел вернуться в реальный мир, хоть сейчас. В свой мир.

– Мы должны разделить деньги, – сказал я. – Ты имеешь право на половину. Без тебя...

– Смеешься? – улыбнулась Сердена. – Они мне не нужны. А когда я проснусь, они останутся здесь, в мире снов, и более я их никогда не увижу. Нет, мой хитрец, так просто ты от меня не отделаешься. Рано или поздно я обращусь к тебе за помощью, и ты мне в ней не откажешь. Не так ли?

– Не откажу, – согласился я. Ох, лучше бы она взяла деньги.

– За очень серьезной помощью.

– Хорошо, пусть будет так, – покорно произнес я.

– Ну, вот и все. Фернис, мне пора. Я действительно опаздываю.

Заявив это, она повернулась ко мне спиной и не без грации удалилась в сторону пирамид.

Я остался один. Впрочем, теперь у меня в кармане были деньги, а инстинкт самосохранения подсказывал, что настало время перебраться в другой сон. Вдруг кто-то каким-то образом узнает о некоей, почти невинной шутке, которую мы с Серденой проделали...

Я огляделся.

Да, никакой ошибки. Самый разнотоящий уходящий сон.

Это ощущалось буквально на каждом шагу, но прежде всего бросались в глаза тени, может быть, совсем на кончик пальца, но уже утратившие насыщенность и глубину. Больше всего это было заметно по теням гигантских, ступенчатых пирамид. Какие-то они были совсем уж неубедительные. А стоявшие на их вершинах статуи многоголовых и многоруких богов, благодаря неправильному освещению, казались вырезанными из картона.

При этом на лицах проходивших мимо меня жителей не читалось особой радости, а посетителей было мало. Так, кое-где промелькнет лицо с вытаращенными от удивления глазами. Между прочим, во сне такого размера их должны быть толпы, буквально толпы.

Я покачал головой.

Вот еще одна причина унести отсюда ноги. Не стоит надолго задерживаться в уходящих снах. Говорят, это прилипчиво.

Голос, послышавшийся у меня за спиной, назвать приятным не поворачивался язык. Что-то в нем наводило на мысли о защелкивающихся на руках наручниках, нацеленном в лоб пистолете и списке прав, которыми ты можешь воспользоваться при аресте. В общем, судя по всему, такой голос запросто мог принадлежать какому-нибудь стражу порядка.

Он спросил:

– Кажется, ты намереваешься покинуть наш сон?

– Возможно, – не сделав даже попытки обернуться, поскольку не видел в этом никакого резона, сказал я.

– Думаешь, тебе это удастся?

– Попытаюсь, – сообщил я.

– Может, не стоит?

– А что, меня могут из него не выпустить?

– Запросто.

– Из уходящего сна? – усомнился я. – С каких это пор в уходящих снах появились эффективно действующие стражи порядка? Уходящим снам они, как правило» не по карману.

За моей спиной послышался тихий смешок. Потом голос сообщил:

– Остатки былой роскоши. Этот сон очень древний и когда-то он был так велик, что...

– Что все жители снов входили в него, только предварительно сняв обувь, а пределом мечтаний любого посетителя было оказаться в нем хотя бы еще раз, – ворчливо закончил я. – Только какое это имеет отношение к сегодняшнему дню?

И конечно, я непозволительно грубил, Со стражем порядка, вполне возможно, прихватившим тебя на горячем, так не разговаривают. С другой стороны, станет ли он ко мне хоть на йоту снисходительнее, если я начну лизать ему пятки? Ну уж нет. А вот если он еще не уверен, с кем имеет дело, то излишнее подобоострастие его насторожит еще больше.

– Самое непосредственное. В число остатков забытой роскоши входит не только страж порядка, но и свод законов, за соблюдением которых он должен следить. Понимаешь, о чем я?

– Нет, не понимаю, – гнул свою линию я.

– Неужели?

– Точно.

- Значит, маленькое происшествие в едальне тебя не беспокоит?
- Какое это?
- Ну, появление в ней кадавра. Неужели запомнил?
- Было такое, – безмятежно сказал я. – Тут я признаю – было.
- И полученные за его изгнание деньги. Немалые для этого сна.
- Тоже было. Желаете, чтобы я с тобой поделился?
- Нет. Желая узнать причины его появления.
- Твое полное право. Я-то тут при чем?
- Не понимаешь?
- Нет.
- Значит, не понимаешь?
- Да нет же.
- Жаль, – слышалось у меня за спиной. – Я думал, ты умнее.
- И напрасно, – сообщил я. – Есть ситуации, в которых ум ничего не значит. Все решают

крепкие ноги.

- В самом деле?
- Конечно, – сказал я и пустился наутек.

В таких делах, как бегство от стражей порядка, неожиданность решает очень много. Вслед за ней, почти впритирку, следуют выносливость и крепость ног. Но начинать надо всегда неожиданно. Это наверняка принесет несколько секунд форы.

Большого мне в данный момент и не нужно было. Если я достигну перемины между снами всего лишь на секунду раньше своего преследователя, этого будет вполне достаточно. Я спасусь. Там страж порядка потеряет все свои права и вынужден будет остановиться. Не останавливается? Ну, тогда его действия станут незаконными, а я получу право оказать сопротивление. Любыми средствами. А сопротивляться я умею, иначе не смог бы в мире снов выжить и дня.

Бежать! Перебирать ногами! Шевелить говядиной!

Я бежал, перебирал и шевелил. Мне необходимо было оставить фараона с носом.

Я мчался словно студентка-отличница за забытым в аудитории учебником, я улепетывал, будто жулик-целитель, от толпы разочаровавшихся в его «чудодейственном» средстве, я работал конечностями, словно гепард, преследующий добычу.

Впрочем, добычей в этот раз был я сам. Меня преследовал по пятам его величество закон, сущность которого осталась неизменной даже здесь, в мире снов, упорный, словно вцепившийся в ляжку бульдог.

Вообще-то мне не следовало этого делать, поскольку при этом терялась примерно секунда форы, но я все же оглянулся.

Великолепно! Преследователь безнадежно отстал и, похоже, сократить разделявшее нас расстояние был не в состоянии. Старость все-таки не радость. А я, с мой прытью...

И все же странно. С чего это страж порядка не торопится? Словно бы ему не имеет смысла торопиться. Гм...

Я потерял еще секунду, едва не врезавшись в вывернувшую из-за угла пирамиды толпу женщин в масках смирения. Во главе ее шла толстая гранд-ханум, с украшенной розовым бантиком метлой приведения и покорности в руках. Каким-то чудом умудрившись в самый последний момент с ними разминуться, я помчался дальше и снова, не выдержав, оглянулся.

Преследователь не попытался сократить разделявшее нас расстояние даже сейчас.

Странно все это, весьма странно. Впрочем, думать некогда. Надо работать ногами. Тем более что до перемины уже близко. Я и работал.

Смахивающий на подзаборную шавку житель одного из шизофренических снов в тот момент, когда я пробежал мимо, завопил:

- Все должны посетить «Архивы Кретин икуса»! У нас там...

Да не нужны мне никакие архивы. Мне бы сейчас спасти свою шкуру. Стражи порядка в уходящих снах, как правило, не отличаются особой прытью, но вот в лапы им попадаться не стоит. Жалости к таким, как я, здесь не испытывают. Кто более всех не любит неудачников, кто к ним наиболее жесток? Правильно, только такие же, как они, стопроцентные, законченные... Я неудачник? Ну уж нет, с каких это пор я им стал? Все у меня будет нормально. И конечно, я найду свой мир, я обязательно в него вернусь, а прямо сейчас унесу ноги из этого сна. Еще немного.

Вот еще чуть-чуть...

Я поравнялся с гигантской каменной фигурой лежащего на животе минотавра. Рога у него на голове были остро заточены и позолочены, в носу торчало серебряное, испятнанное рунами и иероглифами кольцо. Морда минотавра была преисполнена тайны и угрозы. Все как положено, для того чтобы отложиться в памяти посетителей и заставить их вернуться в этот сон еще раз. Вот только все впечатление портил почти растворившийся, поблекший хвост и смазанные, оплывшие очертания тела. Свидетельства того, что внимания посетителей минотавру-то как раз и не хватало.

Потом я влетел в кусочек, в котором, похоже, совсем недавно был неплохой посетитель. Казалось, здесь было даже светлее, а песок под ногами уж точно был желтее, и еще – пахло. Неприятным этот запах назвать было нельзя, но я так и не смог его определить. Да у меня на это и не было времени. Но вот само присутствие запаха я почувствовал. И даже успел подумать, что, наверное, когда-то, очень давно, в старые добрые времена, этот сон поражал великолепием. Только сейчас времена изменились.

Жаль, стражи порядка остаются неизменны. Впрочем, о чем жалеть? Возможно, не будь страж порядка этого сна так стар, я бы не смог его так легко обставить?

Обставить...

Я перепрыгнул через невысокий барьер, сложенный из черепов неведомых мне животных, и оказался на покрытой розовой пудрой площадке, в центре которой был установлен сломанный и полурастаявший, словно оставленное на жарком солнце эскимо, обелиск во славу кошкоглавого бога.

Пудра под моими ногами взвилась в воздух и, похоже, стала концентрироваться в смерчки, здорово смахивающие на какие-то фигуры, но в какие именно, я уже не увидел.

За мной по пятам следовал его величество закон, а это хорошее лекарство от излишнего любопытства. Кроме того, я наконец-то увидел перемычку, и это позволило моей надежде на спасение превратиться в уверенность. Ну вот, все почти в ажуре. Еще чуть-чуть... Два бритоголовых, толстопузых торговца легкой приносящей ощущение счастья дымкой, которым сейчас явно было нечего делать, поскольку покупателей на их товар не наблюдалось, увидев меня и бегущего за мной стража порядка, попытались загородить мне дорогу.

Как же! Не на того напали! Пусть сначала подкачаются!

Я врезался в толстяка и, словно бешеный носорог сбив его с ног, устремился дальше. Падая, тот машинально схватил своего товарища за рукав и повалил на песок.

Вот и замечательно!

Ходу! Ходу!

– Тебе все равно не уйти! – донеслось сзади. – Не спеши!

Да я уже ушел! Вот еще немного... Ну же! Я едва не запнулся о чистящего червяка, ползущего к центру сна в поисках остатков негативных ощущений, и благодаря этому сбил дыхание. Мне элементарно не хватало кислорода, но остановить меня теперь не могло даже и это.

А потом...

Я был в пяти шагах от перемычки, я уже мог разглядеть ее черные, словно антрацит, стенки, как вдруг поперек входа в нее возникла толстая металлическая решетка. Конкретная такая решетка, слегка покрытая ржавчиной, но толстая и на вид очень крепкая.

Вот именно – крепкая.

Я убедился в этом, ударившись о нее с размаху. Она даже не дрогнула, не прогнулась ни на волос, не говоря уже о том, чтобы, к примеру, сломаться и дать мне возможность оказаться на свободе.

Хм... Вот так дела.

Пытаясь восстановить дыхание, я оглянулся.

Теперь страж порядка не торопился и вовсе. Он подходил вразвалочку и лицо у него было таким довольным, что мне от злости захотелось его, например, пнуть.

Знал ведь, знал. Поэтому и не торопился. К чему спешить, если добыча и так никуда не денется? Можно Даже позабавиться, дать ей возможность побегать. До поры до времени.

– Ну и как?

Был он худ, очень высок, имел седые волосы и, подобно многим и многим уроженцам мира снов, двигался легко, слишком легко для своего возраста и телосложения. Кстати, за время погони он ничуть даже не запыхался.

Вот такой, значит, бодренький страж порядка из уходящего сна. С довольной улыбочкой на лице. И наверное, она, эта улыбочка, была бы почти добродушной, если бы все дело не портили холодные, все понимающие глаза стража порядка.

Профессионала, никуда не денешься, На сто процентов профессионал.

– Как тебя зовут? – поинтересовался я.

– Клинт Иствуд, – не моргнув глазом, заявил страж порядка.

Я удивленно покрутил головой, потом спросил:

– И кто тебя так назвал?

– Мои родители, – отчеканил страж порядка. – Не советую тебе ими интересоваться. Видишь ли, это чревато, трогать родителей стража порядка, у которого ты находишься в руках, от милости которого зависишь.

– Не говори гоп, пока не перепрыгнешь, – пробормотал я.

– Что? – спросил Клинт Иствуд.

Он теперь стоял от меня в пяти шагах и, кажется, ждал, когда мне надоест торчать возле решетки и когда я сам к нему подойду, сам отдамся в его руки.

Ну так нет же. Есть у меня еще одно средство. Вот только мне не очень хотелось его пускать в ход. Если глубинная сущность решетки окажется сильнее...

– Я хотел спросить, откуда они взяли такое имя? Ты знаешь, что это...

– Имя, приносящее удачу стражам порядка. А мои родители уже при моем рождении знали, кем я буду.

– Такое случается редко, – сказал я.

– Они знали, – стоял на своем Клинт Иствуд.

Ну, если ему так хочется...

– Вполне возможно, вполне возможно, – промолвил я. – Кстати, чем эта история может для меня закончиться? Ну, ты понимаешь, что я имею в виду.

– Сейчас?

– Да.

Страж порядка пожал плечами.

– Видишь ли, как решит касик сна, так и будет. Он, конечно, судья суровый, но я бы не советовал окончательно терять надежду. Думаю, если ты проявишь добрую волю и сумеешь ему понравиться, то все может обойтись, десятью годами работ на благо обитателей сна. Ну и конечно, возмещением ущерба хозяину едальни. Значит, стоит прибавить сюда еще года

четыре. Не так уж и плохо. В старые времена... Сказать, что могло тебя ждать в старые времена?

– Говори, – сказал я.

Пусть чешет языком. Лишь бы только не пытался мне помешать совершить задуманное. Четырнадцать лет – слишком много. Нет, этого я себе позволить не могу. И значит, ничего не оставалось как рискнуть.

– Так вот, – сказал страж порядка. – В старые времена подобных тебе ловкачей, если они попадались...

Осторожно, стараясь не привлекать его внимания, я опустил руку в карман, нащупал там золотую монету, а потом, повернувшись к решетке, прижал ее к ней, прикоснулся к ржавому железу золотым кружочком из реального мира.

Удача была на моей стороне. Монета у меня в руке на мгновение словно бы исчезла, перестала существовать, а потом опять возникла, но теперь уже исчезла решетка. Навсегда.

Вот так-то!

– Стой! – взвыл у меня за спиной Клинт Иствуд. Поздно! Теперь меня уже не остановить, Я шагнул в перемычку, для верности сделал по ней пару шагов и лишь потом оглянулся.

– Надул, да? – спросил страж порядка.

Он уже стоял у меня за спиной, чуть ли не вплотную, но меня это ничуть не пугало, поскольку здесь он уже не был в своем праве. Здесь он не мог меня даже пальцем тронуть.

– А как ты думал? – сказал я. – Конечно, надул.

– Монета? Ты уничтожил решетку с помощью монеты из реального мира?

– Ну конечно, – сказал я, снова поворачиваясь к нему спиной.

Некогда мне тут было заниматься разбором полетов. У меня теперь были деньги и у меня, конечно же, теперь были дела в других снах. Неотложные дела.

– Мы еще встретимся, – послышалось у меня за спиной, когда я двинулся прочь от уходящего сна.

– Обязательно, – пробормотал я. – Когда рак на горе свистнет.

– Раньше, значительно раньше, – гнул свое страж порядка. – Жди! Скоро встретимся.

3

Верзила с улыбкой, почему-то здорово напоминающей о «золотом детстве» и неизбежной, ежедневной ложечке рыбьего жира, сказал:

– А потом лапки зеленых дроздов надо вымочить в солнечном свете и, отжав, обязательно в полной темноте, поместить на полчаса в решетчатый каганец, для кипячения на горниле нежности...

– Неправда, – прервал его коротышка, самой что ни на есть гномьей наружности. – Горнило не должно быть нежным. Наоборот, для того чтобы лапки покрылись особой, хрустящей корочкой, их надо поместить на горнило безграничного терпения...

– Неправда тут ваша... – вмешался кто-то с дальнего края стойки. – Как сказано во втором томе «Изыщных кулинарных забав»...

Я соскользнул с табурета и пошел прочь.

Нет, вот такие разговоры уже не про меня. Ничего я не понимаю в изыщной кулинарии. А начинать не стоило. По слухам, только начальный курс требовал двадцати лет напряженного, ежедневного изучения.

Кто-то сказал мне в самое ухо:

– После того как в названиях его песен три раза подряд очутилось слово «ребенок», всем стало понятно, что дело нечисто.

Я даже не повернул головы.

И это меня не касалось. Мне бы со своими догадками и своим пониманием мира разобраться. А также со своими тайными желаниями и своими невидимыми, но несмотря на это кровоточащими ранами.

Я ухмыльнулся.

Можно подумать... Прямо современный Чайльд Гарольд какой-то. Кровоточащие раны... Нет, это я хватил.

Вот проблема у меня была, и проблема большая. Раздобыть птицу-лоцмана. А потом вернуться... Стоп, все Должно быть по порядку, все надо начинать сначала.

Птица-лоцман. На данный момент я не мог даже представить, как ее можно получить. Что для этого сделать? К кому обратиться? Птицами-лоцманами обладали, к примеру, инспекторы снов и прочие, не менее крутые ребята. Причем если кто-то из них лишился своей птицы-лоцмана, то вернуть ее было очень и очень нелегко. Даже такому крутому парню, как инспектор снов. А вот как это сделать мне...

Я толкнул дверь и, выйдя из бара, с удовольствием вдохнул свежий, ночной воздух.

Ну вот, а теперь надо решить, чем заняться, У меня есть некоторые деньги, и я свободен. Что еще нужно? Можно, к примеру, отправиться в архивы жрецов Гипноса и продолжить поиски сведений о птицах-лоцманах. Может быть, мне повезет, и я обнаружу ту самую «голубиную книгу». Вдруг я наткнусь на нее почти сразу? Может быть, меня от нее отделяет всего лишь шаг? Я крикнул.

Сомнительно. Учитывая, какие эти архивы огромные – весьма Сомнительно. Копаться мне в них еще и копаться. Может быть, до самого конца жизни. Особенно если то и дело придется отвлекаться и заниматься пополнением своих финансовых запасов. А без этого – никак. Надо питаться, да и жрецы в архивы бесплатно не пускают. Меркантильные они, это жрецы Гипноса. Впрочем, когда это и какие это жрецы не были меркантильными? Даже в реальном мире. Особенно в реальном мире.

Кинувшийся было на меня из темноты пострах, с горящими неестественным красным огнем глазами, резко остановился и захлопнул уже открывшуюся для истошного крика зубастую пасть.

– Ослеп? – спросил я.

– Перепутал, – мрачно сказал пострах. – Понятное дело, прошу извинения. Сам понимаешь, сон средней страшноватости. Конечно, не кошмар, но все-таки... Конкуренция. И приходится шевелиться. И недолго кого-нибудь принять за посетителя. Ну, знаешь, из тех, которые появляются, чтобы пощекотать нервы.

– Да, понимаю, – сказал я. – Все в порядке.

– Особенно... – пробормотал пострах. – Особенно...

– Ну? Говори.

– Особенно если ты так похож на посетителя. Похож... Ты точно не посетитель?

– Точно, – устало промолвил я. – И нет в этом для меня ничего хорошего. Будь я посетителем, то мог проснуться в реальном мире, А так...

– А так?

– Не важно, – сказал я. – Все это совершенно не важно. Хочешь заработать четверть восьмой реальности?

Пострах облизнулся.

– Конечно, хочу. А делать-то что нужно?

– Да ничего особенного. Можно в вашем сне найти водки? Ну, обычной, сорокаградусной водки. В этом баре ее не подают.

Пострах почесал голову длинной кривой лапой и осторожно сказал:

– Ну, кажется, я знаю такое место.

– Вот и отлично. Бутылку водки, что-нибудь на закуску и деньги за услуги – твои. Договорились?

– Четверть четверти.

– Хорошо, – махнул я рукой. – Пусть будет так. Гулять так гулять. Только ты еще должен мне сказать, где тут можно устроиться, чтобы тебя не беспокоили. Ну, чтобы каждую минуту на тебя никто не набрасывался с воплями и горящими глазами.

– Это можно, – сообщил пострах. – Вон, неподалеку старая беседка. А я нашим скажу, чтобы тебя не трогали. Но деньги ты мне заплатишь вперед. Договорились?

– А ты не сбежишь?

– Да куда я денусь из родного сна? А если не исполню обещанного, ты же знаешь, что всегда можно обратиться к инуа. Он заставит выполнить. А вот ты – перекаати-поле. В любую минуту можешь, не выполнив обещанного...

– Хорошо. – Я сунул ему бумажку. – Вот держи. Тут хватит и на водку с закуской и даже сверх. Беги. Я буду ждать тебя в беседке. Да не задерживайся.

Пострах молча схватил деньги, подпрыгнул и опрометью бросился прочь.

Я же двинулся к беседке. Внутри нее, как и положено, пахло чем-то горьковатым, а деревянная скамья все еще хранила тепло ушедшего дня. Усевшись на нее и ощутив это, я подумал, что сон этот весьма и весьма посещаем. Вот даже о такой мелочи побеспокоились. Тепло ушедшего дня во сне, в котором всегда царит ночь.

Мелочи...

Я устроился на скамье поудобнее и с какой-то вселенской обреченностью подумал, что вот сейчас напьюсь. Прямо в этом сне. И наверное, это мне сейчас нужно. Для того чтобы наутро ощутить себя скотиной, для того чтобы хотя бы на время отогнать беспокоящие мысли. Например, о том, что я застрял в этом мире на всю оставшуюся жизнь.

Да, у меня есть монета. Но что, если случай использовать ее как указатель так и не представится? А я так до конца жизни и буду обречен жить в этом призрачном, созданном из комплексов и невысказанных человеческих желаний мире? Да если бы еще и человеческих, А то ведь встречаются...

Я вздохнул,

И дернул меня черт перед сном произнести ту формулу из старинного фолианта.

– Вот, вот и вот. Принес.

Это был, конечно же, пострах. А передо мной на скамье стояли бутылка водки, пара пластмассовых стаканчиков и нечто, смахивающее на порезанную тонкими ломтиками колбасу. Можно сказать, классическая картина.

– А два стаканчика, – сказал я, – стало быть, ты принес потому, что тоже хочешь хлебнуть?

– Гонцу положено, – заявил пострах. – Хоть немного.

– Откуда знаешь? – удивился я. – Вроде бы...

– Э, милай. – «Гонец» ухмыльнулся огненной, в полном смысле этого слова, улыбкой. – В нашем сне кого только не бывает... Да и рожден он человеком, прекрасно знавшим, кто такие «гонцы». Как ты думаешь, откуда тогда в нем взялась водка?

– Ну, значит, все согласно обычаю, – сказал я. – Гонцу положено.

Я открыл бутылку и, налив в стаканчик водки, протянул его постраху. Тот тяпнул как настоящий алкоголик, сирым голосом пожелал мне здоровья и сиганул в кусты. Надо понимать, снова взялся за свое дело.

Я же плеснул себе в другой стаканчик и осторожно его понюхал.

Не стоило этого делать. Водка, конечно, была не очень хорошего качества. Точнее – совсем нехорошая, «паленая». Возможно, создатель этого сна лучшей и не пил.

Хорошо же...

Вот только отступать поздно. Деньги я потратил, и, учитывая с каким трудом они достались, выкидывать их на ветер не стоит.

Я с трудом удержался от того, чтобы еще раз понюхать стаканчик.

Нет, только не это. Вот еще пару минут, еще немного... Соберусь с силами и одним глотком, как положено, залью в себя мерзкую и такую притягательную жидкость. Второй стаканчик пойдет уже легче, гораздо легче. А там...

Мне вспомнилось, что я вытворял в прошлый раз, когда вот так напился. Когда же это было? Кажется, полгода назад. Да, вот тогда я славно повеселился. И не только я. Впрочем, о большей части своих подвигов я тогда узнал лишь после того, как проспался, по рассказам свидетелей. Вполне возможно, они кое-что преувеличили. Не мог я, например, даже в полубессознательном состоянии пытаться обрушить перемычки, на которых держится каркас сна. Мало того, что это почти равносильно самоубийству, так это еще под силу только кому-то из того же ряда, что и инспекторы снов.

Ну а эти, звичкуны? Неужели я и в самом деле пытался их помирить между собой? А еще были рассказы о настойчивых попытках сблизиться с тенями.

Хм... вот уж чего я понять никак не мог. Не нравятся они мне, и не хочу я с ними иметь ничего общего. Они гораздо хуже грез. А в пьяном виде...

Я задумчиво посмотрел на стаканчик.

Может, пора?

Да нет, еще немного, еще чуть-чуть помедлю, а потом...

И вообще, о чем эти подвиги по пьяной лавочке могут свидетельствовать? Может быть, о все еще живущем у меня в подсознании ощущении, что мир снов – нечто нереальное, не существующее на самом деле, так же как и все живущие в нем создания? И я, реальный, живой человек, попавший в плен к нереальному миру... Нет, даже не к самому миру, а к живущим в нем теням, научившимся очень ловко и правдоподобно притворяться мыслящими существами. Во что они превращаются, когда я поворачиваюсь к ним спиной?

Вот тут мне стало стыдно. Не имел я права на такую мысль. И пришла она мне в голову лишь потому, что у меня вот прямо сейчас приступ тоски и отчаяния. Состояние, избавиться

от которого можно, к примеру, залив в себя некоторое количество разбавленного какой-нибудь гадостью алкоголя.

Потом, проспавшись, я опять погружусь в пучину стыда за свое скотское поведение. Только этот стыд будет уже другим. Терпимым. И что важнее всего – привычным. И к нему будет, конечно, примешиваться радость. Поскольку я в очередной раз выжил, все-таки не сошел с ума, поменял безумие на тривиальное похмелье.

Похмелье,...

Мысль о нем мне понравилась. По крайней мере сейчас. Она была теплой, эта мысль. Причем и способ достичь похмелья был прямо под рукой.

Противный? Еще какой противный. Но без него...

Я снова взял стаканчик в руки и снова напомнил себе, что в этот раз нельзя нюхать ни в коем случае. А надлежит выпить, залпом. И немедленно...

– Наверное, там водка, – сказал голос кого-то, находившегося рядом, буквально рукой подать.

Причем голос этот был мне почему-то смутно знаком.

Любопытно...

– Да, – сообщил я. – Тут самая натуральная водка. Разбавленная какой-то гадостью и злая, словно невеста, у которой со свадебной церемонии сбежал жених. Хорошее средство от всех жизненных невзгод. Она наносит страшный вред организму, но зато позволяет забыть о том, в каком мире ты живешь. Иногда это нужно. Иногда без этого просто нельзя жить.

– А ты красноречив, – сказал незнакомец.

– Тогда, когда мне этого хочется.

– И тебе сейчас...

– Да, мне сейчас хочется цветасто говорить. По крайней мере хотелось минуту назад.

– А сейчас – нет?

– Нет.

– И ты теперь будешь пить водку? – спросил незнакомец.

На этот вопрос, наверное, надо было тоже ответить, Вот только я не торопился это делать, поскольку думал о том, что мой собеседник подкрался ко мне слишком бесшумно. А это при моем опыте здешней жизни не так-то легко сделать. Профессионал подкрадывания? И вообще, кто он такой? Зачем со мной заговорил? Что ему от меня нужно?

Я вздохнул и сказал:

– Придется призвать кое-кого к порядку. Кажется, мы договорились, что в этой беседе меня трогать не будут. И он свое обещание не выполнил.

– Пострах тут ни при чем, – сказал незнакомец. – Я не отношусь к числу его друзей, я вообще не из этого сна.

Я кивнул.

Ну вот, кажется, что-то проясняется. Он не из этого сна, и вместо того, чтобы всласть пообщаться с пострахом, а также его друзьями, насладиться в полной мере вызываемой их штучками сладкой жутью, решил пообщаться со мной.

Странное желание.

Я осторожно сунул руку в карман, нащупал в нем камень-светлячок и, вытащив его, осветил пространство беседки.

Вот это да!

Напротив меня сидел Клинт Иствуд собственной персоной. Тот самый.

– Ты не имеешь права меня преследовать, – заявил я.

– Не имею, – согласился страж порядка.

– Зачем же тогда явился?

– Просто поговорить. А что, нельзя?

– Со мной?

– Почему бы и нет? После того как ты оставил меня с носом, я навел о тебе кое-какие справки. Знаешь ведь, у стражей старых снов...

Он замолчал, очевидно, подыскивая подходящее определение.

– Есть кое-какие связи, – подсказал я.

– Вот именно, – согласился он. – Кое-какие связи. И мне о тебе выдали некие сведения. Достаточно исчерпывающие. Примерно это я и предполагал. Оставалось только перемолвиться с касиком, что я и сделал. Он поручил мне сделать тебе некое предложение.

– Если это ловушка... – промолвил я, – не советую со мной хитрить. Ни за какие ков-рижки я в ваш сон не вернусь.

– Ни за какие?

– Нет.

– А если это будет не богатство? – ухмыльнулся страж порядка. – Если предложенное мной нельзя измерить в реальтах, но для тебя оно ценнее всех сокровищ мира снов?

Я осторожно положил камень-светлячок на скамейку и искоса взглянул на своего собеседника.

Надежда. Я знал, я буквально кожей чувствовал, что он имеет в виду, но все еще отказывался в это верить, точнее, не позволяя себе это делать.

Да нет же, так не бывает. А если и бывает, так это приманка, с помощью которой меня хотят заманить в уходящий сон. И как только я там окажусь... Знаю я этих стражей порядка... И кстати, прежде чем продолжать разговор, стоит принять кое-какие меры предосторожности.

Я незаметно вытащил из кармана сторожевого паучка и выпустил его на свободу. Тот юркнул под скамейку и занялся там созданием охранной паутины.

Клинт Иствуд, похоже, этого не заметил.

Ну вот и прекрасно. Можно продолжать разговор.

Я спросил:

– Какое предложение?

– Выгодное, конечно, – послышалось в ответ.

Ну да. А как еще он должен был ответить на мой вопрос? Только так. А что я должен сказать в ответ? К примеру, вот так:

– Само собой, выгодное. Кому именно?

– Да тебе, тебе. Послушай, я понимаю, ты сейчас мне не доверяешь. И правильно делаешь, конечно. Вот только в данном случае никакого обмана не будет. Могу поручиться.

– А за тебя кто поручится? – спросил я. Клинт Иствуд пожал плечами.

– Некому. И вообще теперь все зависит только от тебя. Если ты мне не веришь, то все остальное совершенно бесполезно. И разговоры, и предложение касика, и плата, обещанная в том случае, если мы столкнемся.

Я развел руками.

– Ничего не напишешь. Не столкнемся.

– А сказать тебе, что обещано, в случае если ты согласишься и сумеешь выполнить задание касика нашего сна?

– Не птица же лощман? – спросил я.

– Она самая, – сообщил страж порядка. – Новенькая, готовая навек привязаться к тому, кто станет ее хозяином, птица-лощман. Кажется, ты хотел вернуться в свой родной мир, который никак не можешь найти?

Верно?

– Возможно, – сказал я сквозь зубы. – Вот только это мое дело.

– Конечно, конечно... И я никоим образом не желаю вмешиваться в твои дела. Но разве птица-лощман тебе не нужна? Если мы столкнемся, то ты ее получишь. Не даром. У нас есть для

тебя задание и достаточно трудное, но, выполнив его, ты получишь средство для возвращения в свой мир. Как, согласен?

Я хмыкнул.

Складно излагает. Очень складно. Впрочем, сыр в мышеловке всегда выглядит весьма и весьма соблазнительно. А иначе какая мышка в нее полезет?

– Значит, не согласен? – спросил страж порядка.

– Нет, – ответил я. – Не согласен. Поищите себе кого-нибудь другого.

– Категорически?

– Вот именно.

– Жаль, очень жаль.

– Ничем не могу помочь, – насмешливо сказал я. – Выпутывайтесь сами.

Клинт Иствуд огорченно развел руками.

– Это твой выбор.

Мы немного помолчали.

Неподалеку от беседки послышался злобный рык какого-то постраха, а то, возможно, даже и самого настоящего ужаста, вслед за которым сразу же раздался испуганный вопль. Так кричать мог только посетитель.

– Будешь? – спросил я и указал на стаканчик.

– А почему бы и нет? – пожал плечами Клинт Иствуд. – Давай наливай. Почему бы не выпить за упущенную тобой великолепную возможность вернуться...

– Прекрати, – прервал его я. – Надо уметь проигрывать. Что бы ты ни сказал, все равно я с тобой в твой сон не пойду. Понимаешь?

– Конечно, не пойдешь. И говорю я лишь для проформы. Жаль все-таки... Ладно, наливай, что ли?

Он взял стаканчик, из которого до этого пил пост-рах, и протянул его мне.

Ну да, какой обладающий солидным жизненным опытом страж порядка откажется от дармовой выпивки? Я таких еще не встречал. Специфика профессии.

Щедро плеснув ему, я не забыл и о своей посудине.

– За знакомство? – спросил Клинт Иствуд.

– А за что же еще? Мы выпили.

Водка и в самом деле была не лучшего качества. Закуска действительно оказалась колбасой, вареной, образца доперестроечных времен. Впрочем, сейчас это не имело большого значения.

– Значит, думаешь найти дорогу в свой мир самостоятельно, – уточнил страж порядка.

– Да, – сказал я. – Самостоятельно.

– И прямые дороги не для тебя?

– Прямая дорога, как правило, ведет в трясины. Особенно если кто-то посторонний настойчиво пытается тебя уговорить по ней пройти.

– И ты, значит, прямых дорог не любишь? Прежде чем ответить, я взял паузу и прислушался к тому, как по моим жилам бежит жидкое тепло, к тому, что водица, принесящая утешение немалому количеству людей и в конце концов всех их сгубившая, делает с моим телом.

А еще я услышал, как мимо беседки пробежал какой-то обитатель этого сна. Он вопил:

– Посетитель кидается голландским сыром. Высшего качества! Все сюда!

И другой голос, чуть подальше:

– Что ты кричишь? Сейчас все как сбегутся...

– Да его много! Хватит на всех и еще останется.

– Правда? Где это, где?

– За мной. Покажу.

Ну вот, у кого-то на улице праздник. Сейчас все обитатели этого сна запасутся сыром. Его можно будет съесть, его можно будет отложить, и поскольку он произведен посетителем, излишки можно даже продать в соседние сны. За хорошую цену.

– Скажем так, – сообщил я. – Я не доверяю прямым дорогам. Имею для этого основания. Страж порядка кивнул.

– Твое право. И плюс к этому ты мне не веришь. – Ас чего бы это я должен был тебе верить? И вообще, почему ты должен мне говорить правду?

– Ты нам подходишь. У нас есть для тебя задание.

– Что во мне такого уж необычного? – спросил я снова наполняя стаканчики.

– Есть, – уклончиво сообщил Клинт Иствуд, – некое свойство, отличающее тебя от многих и многих других обитателей снов.

– Надеюсь, не ум и душевная красота?

– Нет, – улыбнулся мой собеседник. – Не это.

– А что?

Вместо ответа он вытащил из кармана птичье перо и протянул его мне,

– Вот, посмотри. Думаю, ты сумеешь определить, кому оно принадлежит.

Он мог его мне не давать. Достаточно было одного взгляда, даже если оно находилось в чужих руках, даже при свете камня-светлячка. Тонкую, радужную ауру, возникающую вокруг каждого пера птицы-лоцмана после того, как оно расстанется со своей хозяйкой, подделать было невозможно. Но Клинт Иствуд все же дал его мне в руки, и я знал, для чего он это делает.

Один из торговых приемчиков. Покупатель должен ощутить товар, поверить в его реальное существование, на несколько секунд почувствовать иллюзию обладания им. Тут главное – не передержать, не дать клиенту насытиться этим ощущением.

– Нуда, – сказал я. – Это оно, перо птицы-лоцмана. Что дальше?

Оно было совсем невесомым. И очень мягким.

– Теперь ты веришь, что у нас есть для тебя птица-лоцман? – спросил страж порядка.

– Теперь я верю, что у тебя есть перо птицы-лоцмана, – отчеканил я. – Не более.

– Ого?

– А что ты ожидал? – спросил я, протягивая ему стаканчик. – Что я зажмурю глаза и пойду с тобой, словно барашек на веревочке, на заклатание?

– Значит, не веришь даже теперь? – спросил он.

– Нет. И кажется, я просил тебя не делать попыток заманить меня в свой сон. Я в него не вернусь ни при каких условиях. Дошло?

Клинт Иствуд принял у меня стаканчик и сказал:

– Хорошо, более действительно не буду. Твое здоровье?

Мы выпили, и пошел самый обычный разговор двух кое-что знающих о жизни и слегка подпивших мужиков, испытывающих друг к другу некоторое уважение.

Достаточно быстро я наполнил стаканчики в третий раз.

– Следующая бутылка за мной, – сообщил страж порядка.

Меня уже понемногу вело, и я сказал:

– А за кем же еще? За тобой. И не вздумай увиливать...

4

Я приоткрыл глаза и, углядев камень-светлячок, облегченно вздохнул.

Все еще беседа. Причем так и должно быть. С чего это мне пришло в голову, будто я могу проснуться в другом месте? Поскольку мы напились в хлам с Клинтом Иствудом? А дальше... Нуда, конечно, ему могло прийти в голову просто взвалить меня на плечо и внаглую Утащить в свой сон. Прямое нарушение закона? Оно самое. Только впервые разве стражам порядка, для того чтобы достать кого-нибудь, нарушать порядок?

Правда, есть еще и сторожевой паучок. И уж он, вздумай кто-то что-то сделать со мной без моего согласия, должен был поднять такой тарарам...

Я перевернулся на живот и сунул ладонь под скамью, на которой лежал. Долго ждать не пришлось. Не прошло и нескольких секунд, как по моей ладони засеменили тоненькие, остренькие ножки. Осторожно вытащив руку из-под скамейки, я внимательно оглядел сидевшего на ней сторожевого паучка.

Все нормально. Никто его за то время, пока я спал, не потревожил. И значит, можно о своих страхах забыть. Можно вспомнить о более насущных делах. Например, о том, что у меня здорово болит голова. Я поморщился.

Болит – даже не то слово. Каждое резкое движение отдавалось у меня в голове вспышкой боли. Словно бы кто-то, проковыряв в ней дырку, вздумал зажигать внутри спичку за спичкой.

А ведь мне сегодня надо убраться из этого сна. Пора возобновить поиски «голубиной книги». Она там, она ждет меня... И если я сейчас полечусь от похмелья... то вполне могу взяться за работу.

– Тяжело?

Я быстро сунул сторожевого паучка обратно под лавку и повернулся к сказавшему это.

Ну да, он самый, Клинт Иствуд. Страж порядка из уходящего сна и неплохой собутыльник. Что ему еще от меня нужно? Неужели будет опять уговаривать вернуться в его сон? Не пойдет. Не покупаюсь я на такие штуки, просто не покупаюсь.

– Тяжело тебе? – спросил страж порядка.

– Еще бы, – сказал я.

– Полечиться хочешь?

– Еще бы, – буркнул я.

– Сейчас сделаю. Готовься. Сейчас тебе полегчает.

– А ты?

– Я уже полечился. Не думаешь же ты, будто я из железа и подобное возлияние останется для меня без последствий?

– А как? – спросил я.

Сил на то, чтобы разговаривать более чем одним предложением, у меня сейчас не было.

– Как я лечился? Сейчас, сейчас... Вот это надо выпить.

Клинт Иствуд поставил на столик передо мной высокий бокал с жидкостью, в полутьме беседки казавшейся черной, словно деготь. Интересно, какого цвета она будет на свету?

У меня в голове вспыхнула еще одна спичка, и я поморщился.

Вот именно, нечего тянуть время. Хочешь исцелиться? Ну так пей. А если это обман? Господи, да к чему такая подозрительность? Да будь у стража порядка желание мне навредить...

Я выпил.

И мне сразу стало значительно легче. Нет, даже не так... Мне стало гораздо легче, и злобный демон похмелья отступил, оставил меня в покое, дал возможность о нем забыть.

Вот так напиток!

– Что это? – спросил я.

– Состав является большим секретом и разглашению не подлежит, – сообщил мне Клинт Иствуд. – Конечно же...

– А почему? Что плохого, если кто-то еще узнает секрет этого весьма полезного напитка? Ну а если вы не желаете его разглашать, то кто мешает вам поставить его изготовление на промышленную основу? Он будет пользоваться спросом, и вы на нем прекрасно заработаете.

– Ты прямо как дядя Скрудж, – фыркнул страж порядка. – А мы...

– А вам деньги не нужны?

– Честно говоря – нужны, – вздохнул он. – Вот только ингредиенты этого напитка достаточно редки. Нет, на промышленную основу, как ты выражаешься, его производство поставить не удастся.

Я встревожился.

– Редки.. Значит, мне этот бокал напитка будет что-то стоить?

– Нет, нет, – поспешно замахал руками Клинт Иствуд. – Все за счет фирмы. Все-таки мы сидели вместе. Не так ли?

– Так, – сказал я. – И за это тебе большое, искреннее спасибо. А теперь... сам понимаешь... мне пора заниматься делами. Спасибо за компанию...

– Понимаю, – сказал страж порядка. – Все понимаю.

– Прекрасно, – промолвил я. – Значит...

– Тут такое дело...

Сказав это, Клинт Иствуд смущенно замолчал.

И вот это мне уже совсем не понравилось. Страж порядка и смущение? Очень странное сочетание и не к добру, совсем не к добру.

– В чем дело? – спросил я.

– Я хотел уточнить насчет твоего ухода и твоих дел. Боюсь, не получится это. Боюсь, я тебе этого не разрешу.

– Что ты имеешь в виду?

Вместо ответа мой собеседник взялся за полутьму беседки, так словно это была толстая, плотная материя, и резким рывком сделал в ней прореху. Еще один рывок – и полутьма разошлась в стороны, словно театральный занавес. Вот только сцены за ней не было.

Я вполголоса выругался.

Такое возможно только в мире снов, и более нигде. А я, несмотря на то, что живу здесь давно, все еще не сумел до конца привыкнуть к фокусам этого мира, да, наверное, никогда и не смогу.

Похоже, шуточки кончились. Игра пошла всерьез, по-крупному.

Страж порядка между тем продолжал раздвигать темноту, открывая мне стену из красного камня. Крупные, размером с кулак, улитки соседствовали на ней с пятнами отвратительной плесени и вмурованными ржавыми цепями. И окон нет. А дверь одна, большая, окованная железом, с маленьким глазком, забранном решеткой.

Точно – тюрьма, классическая тюрьма, какой и положено быть в старом сне.

– Дошло? – спросил страж порядка.

– Еще бы, – мрачно ответил я.

– Никогда не связывайся со стражами порядка старых снов, – назидательно сказал Клинт Иствуд. – Они на многое способны. У них было время многому научиться. И они...

Вот только еще нравоучения мне выслушивать не хватало.

– Я понял, – сказал я. – Ты решил достать меня любым способом. И достал. Поздравляю. Страж порядка самодовольно ухмыльнулся.

– Если я берусь за дело...

- Прекрасно, – снова перебил его я. – Если ты берешься за дело... Что, трудно было?
- А ты как думаешь?
- Думаю, трудно. Думаю, тебе пришлось вырезать кусок чужого сна и перенести его целиком в темницу, д иначе это не осталось бы незамеченным моим паучком, Не так ли?
- Так.
- И наверняка это обошлось твоему сну баснословно дорого?
- Ну, как тебе сказать...
- Как есть. Дорого?
- Возможно, ты угадал.
- Значит – дорого.
- Клинт Иствуд пожал плечами.
- А это для тебя имеет какое-то значение? Главное, ты попал в тюрьму. Я тебя сцапал.
- Имеет. Немаловажное, – сухо сказал я. – И вообще, перестань увиливать. Отвечай на вопросы без задержки.
- Ну, ты наглец, – промолвил страж порядка. – Редкий наглец. А если я не стану отвечать на твои вопросы?
- Будешь. Хочешь сказать, что провернул все это дело лишь из любви к искусству, лишь для того, чтобы доказать свою приверженность закону? Я в это не верю. Даже новые и активно посещаемые сны трижды подумают, прежде чем позволить себе такое расточительство, как покупка кусочка другого сна. А уходящий...
- И значит, – подсказал страж порядка. – Значит...
- Получается, ты мог это сделать лишь с одной целью. Выходит, ты не блефовал, когда говорил мне о задании. Я угадал?
- Возможно. Я поморщился.
- Ну что это в самом деле за детские игры? За кого он меня принимает?
- Хорошо, – промолвил страж порядка. – Ты все рассчитал верно. Мы могли доставить тебя в наш сон только таким образом. И потратились, весьма... Надеюсь, ты это оценишь и будешь поговорчивее.
- Насчет потратились, – промолвил я. – Думаю, тут уместно другое слово. Разорились. Нет? Не возражаешь?
- Клинт Иствуд пожал плечами.
- Возможно, ты и прав. Я не приглядываю за нашей казной.
- Разорились, разорились, – напирал я. – И это значит, что я вдруг с каких-то фиников стал для вас очень ценен. Я правильно угадал?
- Возможно.
- А раз так, раз я представляю для вас такую ценность, то, может быть, стоит проявить в отношении меня элементарную вежливость? Я бы, например, сейчас не отказался от чашечки кофе. Это здорово улучшит мое самочувствие.
- Самочувствие, говоришь? А улучшит его новость, что, если мы не столкнемся, тебе придется не только понести наказание за совершенное в нашем сне преступление, но и отработать потраченные на твою поимку деньги?
- Я понюхал воздух.
- Да, на запахах они сэкономили, это точно. А ведь в тюремных запахах – половина очарования мест лишения свободы. Привыкается к ним в один момент, но Даже после того, как ты перестаешь их замечать, они все равно продолжают делать свою работу, продолжают тебе напоминать, что ты находишься не у тещи на блинах.
- А птица-лоцман вранье? – спросил я.
- Нет, – мрачно сказал страж порядка. – Чистейшая правда. Она есть и, если ты столкнешься с касиком, станет твоей.

Я удивился:

– Тогда в чем дело? Мы сталкиваемся. Как ты помнишь, я отказывался поговорить о предложении вашего касика лишь потому, что не верил в существование птички. Если она и в самом деле может стать моей, то я готов... – тут мое благоразумие, вовремя проснувшись, предостерегающе погрозило мне пальцем, и я осекся, – хм... обсудить ваше предложение прямо сейчас. И если оно мне покажется стоящим...

– Вот этого я и добивался, – мрачно улыбнулся страж порядка. – Кажется, теперь ты готов ко встрече с касиком. Мы идем к нему.

– Кофе, – напомнил я. – Сначала я должен выпить кофе. Иначе не сделаю ни шагу.

– Кофе! – гаркнул Клинт Иствуд.

Дверь камеры распахнулась, и появился пожилой; служка с подносом в руках. На нем был фартук и тростниковые сандалии. Узор, украшавший фартук, был, возможно, некогда красив, а теперь время и недостаток внимания к нему со стороны посетителей сделали свое дело, оставив от него лишь контур. Судя по всему, рисунок этот изображал, как некто собакоголовый пытался утащить у существа с телом коровы и змеиной шеей некий округлый предмет.

Я попытался прикинуть, как можно понять смысл этого рисунка, но меня тут же вывел из задумчивости рык стража порядка.

– Лакай свой кофе. Помни: у нас мало времени.

Я кротно улыбнулся.

Все верно. Страж порядка не должность, а состояние души. И между прочим, с этим человеком я вчера провел неплохой вечер. Мы славно наклюкались, мы даже поведали друг другу грустные истории своей жизни, и вот тебе, наутро – «Лакай». М-да... состояние души. Именно оно.

Я взял с подноса служки чашечку кофе, сделал осторожный глоток и удовлетворенно прищелкнул языком.

Кофе был неплох, совсем неплох для такого занюханного сна.

И все же, что это за задание, ради которого мне оказывают такие почести? Вон и кофе даже подали неплохой. Скрипнули зубами, но подали.

Ох, не к добру это, совсем не к добру. И если не к добру, то ко злу, стало быть? А что может быть хуже моего нынешнего положения? Угодить на скромную, тепленькую вечеринку в свою честь, вечеринку под названием «Аутодафе»? Получить в подарок колпак, разрисованный сценами Страшного Суда, и под тенью креста пойти к огромной вязанке дров?

Я покачал головой.

Нет, что-то опять не те мысли мне в голову лезут. По идее, я сейчас должен думать о том, как бы мне половчее выбраться из этой ловушки. Тоже хорош – Унес ноги из уходящего сна и расслабился. Захотелось ему видите ли залить грусть-печаль. А никого лучше, чем страж порядка из того самого сна, не нашлось. Понадеялся на сторожевого паука.

Да, кстати, о паучке...

Я медленно и со вкусом допил кофе, поставил чашечку на поднос и шагнул к скамейке. Ну-ка, иди к хозяину!

Паучок послушно скользнул в подставленную ладонь и мгновение спустя исчез в кармане.

Вот так-то, он мне еще пригодится. И если стражу порядка удалось сейчас его обмануть, это еще ничего не значит. Случаев, когда он спас мне жизнь, вовремя под. няв тревогу, не счесть.

– Думаешь, ты сюда уже не вернешься? – спросил Клинт Иствуд. – Думаешь, тебе эта штука еще пригодится?

– То есть, – промолвил я. – Предложение, которым меня хочет огорошить ваш касик, настолько неприемлемо, что ты допускаешь мысль, будто я предпочту сгнить в этой темнице?

– Кто знает? – ухмыльнулся Клинт Иствуд.

Я подумал, что примерно так ухмыляется акула, узрев в пределах досягаемости ножки неосторожной купальщицы. Еще так улыбается обманутая невеста, обнаружившая след сбежавшего жениха. Обнадеживало это меня, конечно, мало. Впрочем, кто знает, может быть, меня самым элементарным образом берут на пушку?

– Веди, – сказал я.

– Куда? – удивился страж порядка.

– Куда надо. К касику. Послушаю, что он мне скажет, а там и буду решать, стоит принять его предложение или нет. Не раньше.

– Разумное решение.

– А ты думал... – промолвил я.

– Не парь мне мозги, – сказал Клинт Иствуд. – Ни в жизнь не поверю, что ты способен взяться за ум. Особенно если вспомнить полученные от моих информаторов сведения... Нет, чудес на свете не бывает.

Я подумал, что уже слышал эту фразу. Там, в реальном мире. Вновь услышать ее из уст жителя мира снов, мира, с точки зрения моих соплеменников, совершенно нереального, было весьма забавно.

Интересно, а что для жителей снов может быть чудом? Посетитель, способный находиться одновременно в десятке снов? Дух сна – инуа, наделенный просто невероятными умениями? Вещи, льющиеся потоком из реального мира? Вполне, вполне возможно. Вера в чудо возникает при наличии веры в бога. А в того же Гипноса многие жители мира снов верят. И почему бы тогда им не поверить в чудо?

– Ладно, мой цербер, – сказал я ему. – Кончай трепать языком и веди. Касик меня уже наверняка заждался.

Клинт Иствуд молча показал на дверь. Мы вышли в коридор и дошли до лестницы на следующий этаж подземелья. Прежде чем мы оказались на улице, нам пришлось миновать три этажа подземной тюрьмы и еще один, уже наземный, предназначенный для охранников. Все они были безлюдны. Вообще у меня создалось впечатление, что никого, кроме нас, в этой громадной тюрьме не было. И наверное, так и было.

Уходящий сон... что с него взять? Запустение, упадок, жители, постепенно перебирающиеся в другие сны...

Уже на улице мой сопровождающий, не отстававший от меня ни на шаг, сообщил:

– Если надумаешь бежать, то не советую даже и пытаться. На этот раз буду стрелять, а стреляю я неплохо.

Я презрительно фыркнул. Тоже мне, стрелок выискался.

– Как ковбой?

– А кто это? – спросил Клинт Иствуд.

Я подумал, что объяснять ему, кто такие «ковбои» будет долго, и сообщил:

– Жители особых ковбойских снов. Они живут в другой части мира снов. Очень далеко отсюда.

– Поэтому-то я о них и не слышал? Я на ходу огляделся.

Перед тем как попытаться претворить в жизнь трюк с хозяином едальни, я хорошенько исследовал этот сон. Это должно было помочь в случае бегства. И помогло. Теперь же я без труда определил, что мы действительно идем к дворцу касика.

Ну, хоть тут-то обошлось без обмана.

– Эй, ты меня слышишь? – спросил Клинт Иствуд. – Так как, именно поэтому я об этих снах и не слышал?

– Да, именно так, – сообщил я.

– А ты меня не обманываешь? – Голос стража порядка был преисполнен подозрительности.

– Да зачем?! – совершенно искренне возмущился я. – Настоящие ковбойские сны, в которых все до одного целыми днями стреляют друг в друга. Очень метко. Дуют виски, садят из кольтов и с гиканьем скачут на лошадях вокруг салунов. Каждого второго в этих снах зовут Клинтон Иствудом.

Немного подумав, страж порядка заявил:

– Гм... надо будет взглянуть на эти сны. Оценить, что они собой представляют. Каждый второй, говоришь, называется Клинт Иствуд?

– Ну да, а каждый третий – Малыш Кид. А каждый четвертый – Док Холл идей.

Я ухмыльнулся.

А вот так. Ты мне врешь в глаза, ну и за мной тоже не заржавеет.

– Док Холлидей? Кто это?

– Доктор. Все время кашляет, полупьян и очень метко стреляет.

– А виски?

– Напиток. Его дуют.

– Пьют?

– Нет, именно дуют. Обязательно бутылками. Пустые разбивают о головы соседей.

– Зачем?

– Ну, такой это сон. Понимаешь?

– Ага. Понятно, – задумчиво сказал Клинт Иствуд. – А как это виски дуют? Чем?

– Долго рассказывать. Съезди в него сам и погляди.

– Может, что-то в этом и есть, – задумчиво сказал мой конвоир. – Вот твоя судьба как-то решится... и тогда... Почему бы и нет? Тоже Клинты Иствуды, говоришь?

– Да.

– Надо съездить.

Пусть съездит. Потом. А мне сейчас надо обдумать свое положение.

Собственно говоря, большого выбора у меня не было. И придется принять приглашение касика, каким бы оно ни было. Главное – отвертеться от заключения, а там,, глядишь, и подвернется случай унести ноги.

Я думал об этом и работал ногами, а дворец касика становился все ближе и ближе. Вот уже стало возможно разглядеть венчавшие его крышу, некогда несомненно золотые, а теперь заметно потерявшие в Цвете исполинские статуи древних богов со звериными и птичьими головами. Потом мы свернули в узкий Переулок, и пока шли им, я довольно спокойно обдумал возможность, саданув своего стража локтем под ребра, повторить не так давно удавшийся мне мара, фон. Будет стрелять? Я оглянулся.

Судя по лицу стража порядка, действительно будет, И метко. Нет, на таких маленьких шансах я не играю, Да и потом, разве я уже не решил принять предложение касика? Я не создан для того, чтобы чахнуть за решеткой, каждый день мечтая о свободе как о несбыточном чуде, лопать гнусную баланду и все двадцать лет каждый день любоваться физиономией, уже сейчас вызывающей у меня отвращение. Тьфу...

Что бы там ни было, но я выберу свободу.

Полчаса спустя, когда касик объяснил, что именно мне надлежит сделать и на каких условиях, первым моим побуждением было отказаться наотрез.

5

Касик был лыс, у него были очки, и вообще, он здорово походил на сначала выросшего, а потом, в соответствии с законами природы, крепко постаревшего Гарри Поттера.

– А гарантии? – спросил я.

Окинув меня задумчивым взглядом, касик промолвил:

– Какие тут могут быть гарантии?

– То есть их нет? – попытался уточнить я.

– Нет и быть не может, – отрезал он.

– Но каким тогда образом я могу быть уверен, что ты сдержишь свое слово?

Касик пожал плечами.

– Там, в реальном мире, кажется, есть такая пословица «горе побежденным». Не помнишь ли ты, при каких условиях она родилась?

Я прикусил губу.

М-да... Старый хрыч крепко держал меня за некое место, совершенно четко это осознавал и ослаблять хватку не собирался.

Вот такая история. Надо сказать, невеселая.

– Хорошо, – сказал я. – Давай уточним.

– Почему бы и нет? Уточняй.

– Ты желаешь, чтобы я придумал способ, с помощью которого вы сумеете вернуть своему сну былую популярность там, в реальном мире?

– Да, – подтвердил касик. – Мы в этом явно нуждаемся.

– Причем этот способ должен гарантированно подействовать?

– Как же иначе? Недействующие способы я могу придумывать и сам, дюжинами. А ты человек из реального мира, и пусть ты живешь у нас много лет, но памяти не потерял и, значит, способен такой способ придумать. Действующий. В принципе можешь.

– А раз так...

– То, значит, ты это сделаешь.

– Но если я...

– Так для этого и придумано наказание, – весело сообщил мне касик. – Жить хотят все. И в том случае, если придуманный тобой способ не даст результатов, ты будешь казнен. В общем, выбор у тебя не очень большой. Либо согласиться и рискнуть жизнью, либо сесть в тюрьму. Причем, прежде чем ты отсидишь за историю с едальней, тебе еще придется отработать потраченные на твое извлечение из другого сна деньги, Мне кажется это справедливо.

– А если я соглашусь...

– Тогда ты либо выиграешь, либо проиграешь. В случае выигрыша мы вернем себе былое богатство, и все затраты будут покрыты.

– То есть, – мрачно сказал я, – выбор небогат, Выиграть я могу лишь в том случае, если совершу невозможное. Если мне это не удастся, то я расстанусь с жизнью. Если я вообще не пожелаю в эту историю ввязываться, то попаду в темницу.

– Ты уже ввязался в эту историю, – напомнил касик. – Когда надумал провернуть небольшую шуточку в нашем сне.

– Но разница между мелким жульничеством и смертью...

– Горе побежденным, – напомнил касик.

Я побарабанил по подлокотнику кресла и покосился на Клинта Иствуда. Тот улыбался и самым гнусным образом мне подмигивал. Понимать это надлежало так, что он советует мне отправиться в тюрьму. Настоятельно.

А вот фиг тебе... Но смертная казнь...

Я представил, как тот же самый Клинт Иствуд рубит мне, словно какому-нибудь куренку, голову, и почувствовал, как у меня по спине побежала струйка холодного пота.

Черт, вот вляпался...

– Думай, думай, – почти ласково сказал касик и довольно потер худые ладошки.

Одет он был в длинную, белую хламиду, обладал жидкой седой бородкой, обширной лысиной, глазками-буравчиками и весьма хитренькой улыбкой. Этаким состарившийся мальчиш-плохиш.

М-да... состарившийся. А вот у меня, похоже, шансы дожить до его лет уменьшаются просто с космической скоростью.

– Значит, – сказал я, – вот такой ты придумал способ стимуляции мышления?

– Да, – с готовностью затряс бороденкой старый садист. – Придумал.

– Но если он не подействует, то в этом будет виноват не объект воздействия, а тот, кто подобный способ придумал. Не так ли?

– Так.

– А накажут и лишат жизни все равно меня?

– Несомненно.

– Что это вам даст?

– Тот, кто придет тебе на смену, увидев твою голову, на самом деле осознает, что мы не шутим. И тогда наш метод, вполне возможно, подействует.

– А если все же нет? – мрачно спросил я.

– Значит, голов станет две. И будет еще кто-нибудь. Рано или поздно мы получим желаемое. Но лучше бы с первого раза. Понимаешь?

– Еще бы, – сказал я.

Да, надо было признать, что некая безумная логика в этих рассуждениях имелась. Причем старикан, похоже, не желал отступать от нее ни на йоту. То есть переубедить его не удастся. Не стоит тратить на это время. От своей цели он не откажется.

Что же остается?

Я снова побарабанил пальцами по подлокотнику кресла и мрачно взглянул на старого интригана. Клянусь, в глазах у него читалось то самое мрачное удовлетворение, с которым какой-нибудь гаденыш наблюдает за тем, как ползает по столу муха, у которой он предварительно оборвал крылышки.

Ну хорошо же... Меня долго пытались разозлить, и наконец им это удалось. Пусть пеняют на себя. Придется начать игру тем же способом. Не люблю я этого, но, видит бог, меня вынудили.

– Таким образом... – вкрадчиво сказал я и, сделав небольшую паузу, продолжил: – Вы намерены получить у меня консультацию и сами будете претворять ваш безумный план в жизнь?

– Безумный? – задумчиво, словно пробуя это слово на вкус, промолвил касик. – Я бы не стал употреблять такое слово. Думаю, наш план имеет смысл назвать рискованным. И кроме того, нам не нужны от тебя консультации. Ты не так понял.

– А что тогда от меня нужно?

– Я сказал совсем недавно, что ты должен придумать способ вернуть нашему сну былую популярность. Выдать нам подробные инструкции и давать ответ на любой вопрос, возникающий во время претворения твоего плана в жизнь. Если он удастся, то ты получишь свободу, а если – нет, то значит... ну, я тебе сказал, чем это для тебя закончится. Ничего личного. Просто таковы правила.

«Ничего личного». Хорошее выражение, способное обезопасить от угрызений совести. Универсальное выражение.

Я тяжело вздохнул.

Ладно, если проблема не поддается целиком, то ее следует решать по кускам. Итак, начнем. Первый этап. – Понятно, – сказал я. – Что ж, приступим?

– Уже? – довольно улыбнулся касик. Похоже, он приятно удивился. Преждевременно, дорогой, преждевременно,

– Не стоит зря терять время, – ответил я. – Но прежде чем начинать, давай я тебе обрисую, что будет ждать ваших посланцев в реальном мире. Представляешь ли ты это?

– Пугать будешь?

– Зачем? Мне просто хотелось бы рассказать, о мире, в котором вашим эмиссарам придется действовать. Кажется, вы и в самом деле не имеете о нем понятия.

– Ну-ну, послушаем.

– Послушайте, послушайте. Прежде всего реальный мир очень статичен. Очень. Ничего в нем просто так не появляется и ничто никуда просто так не исчезает.

– Так же как и в нашем мире.

– Нет, не так, – покачал головой я. – Совсем не так. Ваш мир живет за счет мыслей и чувств посетителей. Они не дают ему уйти в небытие, поддерживают его существование своим присутствием. Кроме того, те же самые посетители могут из своего воображения, буквально из ничего, производить разнообразные предметы. Сны обжор и крестьян снабжают весь мир снов продуктами, сны портных – одеждой, сны военных – оружием и т.д. В реальном мире такое невозможно. Он реален без какого бы то участия мыслящих людей.

– Ну, прекрасно, – сказал касик. – Так чем это плохо? Чем это грозит нашим эмиссарам?

– Да тем, что они должны будут стать реальными, ем, что они должны научиться действовать, как реальные люди, думать так же, как они, разговаривать. К жизни в реальном мире должны быть приспособлены даже их тела.

– Это-то тут при чем? – спросил мой собеседник ц 1 удивленно взглянул на стража порядка.

Тот молча пожал плечами.

– Я понимаю ваше недоумение, – сказал я. – и мне, конечно, известно, что жители мира снов не все являются грезами. По крайней мере некоторое количество из них ведет свое родство от реальных людей, случайно попавших в мир снов не в качестве посетителей, а во плоти.

– Это верно, – промолвил касик. – И наши эмиссары отобраны как раз из таких потомков. Теперь покачал головой я.

– Это не поможет,

– Не поможет?

– Вот именно. Будучи формально потомками людей из реального мира, они утратили с ним всякую связь, вплоть до того, что их организмы лишились некоторых необходимых для проживания в нем функций.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, некоторые сны. – Я испытующе посмотрел на касика, пытаюсь понять, осознает ли он, что именно я имею в виду. – Ты знаешь, какие именно сны я имею в виду. Визитеры приносят с собой не только продукты, а некоторые их производные, возникающие в результате переработки этих продуктов. И не только...

К чести касика надо признать, что думал он совсем недолго. По крайней мере гримаса отвращения появилась на его лице весьма быстро.

– Ты хочешь сказать, что все эти вещи и процессы не являются плодом воображения, а происходят на самом деле? – спросил он.

– Угу, – подтвердил я.

– И...

– Да, да, – сказал я. – Именно так. И еще многие, многие процессы. Хорошенько подумав, можно вспомнить соответствующие сны...

– О!

– И все это будет ждать ваших эмиссаров там, в реальном мире. Если угодно, я могу продолжить. У меня в запасе есть еще доводы. Продолжить?

– Пока не надо, – промолвил касик. – Дай мне все это обдумать.

Он и в самом деле задумался. Я же тем временем позволил себе слегка расслабиться.

Нет, это еще не конец, но ситуация сдвинулась с мертвой точки. Пока совершенно неизвестно, куда она меня занесет, но по крайней мере не в тюрьму и не на плаху. Десять минут назад я мог рассчитывать только на один из этих двух вариантов будущего. Что ж, прогресс налицо. Или мне это только кажется?

Я взглянул на стража порядка.

Тот с непроницаемым видом сложил из пальцев решетку и показал ее мне. Не нужно было обладать семью пядями во лбу, чтобы разгадать эту шараду.

Клинт Иствуд явно хотел мне сказать, что по мне тюрьма плачет. Так по крайней мере он считает. А я... Вот у меня совсем другое мнение. И если удастся внушить тому, кто тут всем распоряжается, одну любопытную мысль...

Я испытующе взглянул на касика.

Он, похоже, сдаваться при появлении первой же трудности не собирался. И это было здорово. Потому что если он не откажется от своего плана, то быстро додумается, что претворить его в жизнь способен только один человек. И для этого его надо...

– Любопытно, – промолвил касик. – Но если все сказанное тобой верно, то получается, я могу послать в мир снов только тебя. И таким образом...

Я затаил дыхание.

Вот сейчас все выяснится. Вот сейчас.

– Таким образом, – продолжил касик, – мой план все-таки становится осуществимым. Я правильно все понял?

– Да, если я попаду в реальный мир...

– То что?

Я улыбнулся.

Нет, на такие примитивные ловушки я не попадаюсь. И мой противник совсем не дурак. Так что на легкую победу можно не рассчитывать.

– То зачем мне будет нужна птица-лоцман? И потом, как вы собираетесь контролировать мои действия в реальном мире?

Касик взмахнул руками, словно говоря: «Ну, что тут поделаешь?»

– Не могу представить, – продолжал я, – что ты согласишься мне на честное слово. И раз ты так легко согласился на мое возвращение в реальный мир, значит, у тебя есть в запасе какая-то система, с помощью которой ты сможешь меня контролировать. Что это за система? Вот это я хотел бы знать в первую очередь.

– Для того, чтобы немедленно начать поиски способа ее обмануть? – поинтересовался страж порядка.

– Для того, чтобы знать, насколько она опасна, – поправил его я. – Не думаю, что вы ставите на то, что достанете меня во снах. В конце концов я могу сесть на снотворное и пожертвовать снами ради того, чтобы с вами более никогда не встречаться. Что в таком случае остается? Держу пари, вы придумали что-то вживить в свое тело. Что это будет? Микробомбочка или яд? Ну, отвечайте! Учтите, вы очень слабо знаете анатомию людей из реального мира, и значит...

– Бомбочка? Яд? – Касик одарил меня удивленным взглядом. – Зачем? Ты и так никуда не денешься. А птица-лоцман тебе понадобится. Даже очень.

– Почему?

– Потому что реальный мир, в который мы планируем тебя послать, тот самый, визитеры из которого чаще всего в прошлом посещали наш сон, для тебя чужой,

– Чужой? – удивился я.

– Ну да. Чужой. Не тот, в котором ты жил раньше, до того как попал к нам. Понимаешь?

Я погрозил касику пальцем.

– Не надо шуток.

– Какие шулки? – невозмутимо сказал тот. – Ничего подобного. Если ты не знал, то я вот сейчас сообщаю, что реальных миров, в которые можно попасть из мира снов, по крайней мере несколько. И в срой без птицы-лоцмана ты ни в коем случае не попадешь. Понимаешь, что это означает?

Я заглянул касику в глаза.

Он не врал. Я достаточно знал людей, чтобы сказать твердо – сейчас он не врет. И если так, то моя свобода, едва поманив, тут же растворилась, исчезла в необозримом будущем.

Ай да касик, ай да хитрец.

– Кроме того, мы все-таки отправим с тобой сопровождающего, – продолжал правитель уходящего сна. – В его обязанности входит...

– Какой сопровождающий? – озлился я. – Как ты помнишь, я уже говорил, что ни один уроженец мира снов...

– Это не совсем обычный сопровождающий, – сообщил касик. – Он должен был сопровождать наших эмиссаров, но вполне может стать и твоим спутником. Впрочем, давай-ка ты сначала с ним познакомишься. Мне любопытно посмотреть, как ты на него отреагируешь.

– А что в нем необычного? – с тревогой спросил я. Похоже, сегодня был день больших и не очень приятных сюрпризов. Прослеживалась некоторая зависимость.

– Увидишь, – пообещал касик. – Эй, Клинт Иствуд, введи сопровождающего. Первым делом их надо познакомить. Все остальное – потом.

Все это страшно интриговало. Вот только особого любопытства я не ощущал. Ну, раздобыли какое-нибудь страшилище в одном из бредовых снов и теперь навяжут мне в напарники. Там, в реальном мире, оно здорово осложнит мне существование.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.